

Промышленновский район в период социального катаклизма 1917–1919 гг.

Михаил В. Шиловский^{a, b, @}

^a Институт истории СО РАН, Россия, г. Новосибирск

^b Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Россия, г. Новосибирск

[@] istorik.novosib@gmail.com

Поступила в редакцию 18.02.2020. Принята к печати 26.03.2020.

Аннотация: Анализируется общественно-политическая ситуация в Касьминской, Тарьминской, Титовской и Морозовской волостях Кузнецкого уезда Томской губернии в 1917–1919 гг., среди жителей которых преобладали старожилы. События на изучаемой территории затронули наиболее крупные поселения. Титовская волость вошла в систему Кузнецкого уездного народного собрания, а Касьминская сразу стала называться земской. Деструктивные начала в повседневную жизнь вносили отпущенные на полевые работы солдаты из запасных полков Томска и Новониколаевска. Существенную роль в партизанско-повстанческом движении сыграли анархисты и возглавляемые ими формирования (Г. Ф. Рогов, И. П. Новоселов, П. К. Лубков, И. М. Дрожжин). Самым известным и популярным партизанским командиром на изучаемой территории стал переселенец В. П. Шевелев-Лубков (1892–1939) из д. Шипицыной Титовской волости, фронтовик, георгиевский кавалер, подпрапорщик. Разгром белых в конце 1919 г. не стабилизировал положение. Анархистские отряды вступили в вооруженную борьбу с советской властью. В 1921 г. восстали крестьяне с. Брюханово и окрестных деревень. Только к концу 1922 г. были ликвидированы очаги сопротивления.

Ключевые слова: революция, Гражданская война 1918–1920 гг., переселенцы, старожилы, анархисты, партизаны, волость, земство, самогоноварение, фронтовики

Для цитирования: Шиловский М. В. Промышленновский район в период социального катаклизма 1917–1919 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 370–378. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-370-378>

Введение

Предлагаемый материал продолжает начатую 17 лет назад реконструкцию истории родного для автора Промышленновского района [1]. К началу XX в. в административном плане территория и поселения района входили в состав Касьминской (центр – с. Брюханово) и Тарьминской (с. Коурак) волостей Кузнецкого уезда Томской губернии, получивших название по наиболее протяженным притокам р. Иня – Тарьма (82 км) и Касьма (70 км). В 1914 г. селения по Ине выделяются в Титовскую и Морозовскую волости. Наиболее крупными поселениями на территории современного района являлись (более 1 тыс. человек): Ваганово, Журавлево, Тарасово, Окунево, Байрак, Камысла (Промышленная), Морозово, Лебеди, Титово, Васьково. Помимо Промышленновского района, населенные пункты перечисленных выше волостей входят ныне в состав Ленинск-Кузнецкого и Тогучинского районов соответственно Кемеровской и Новосибирской областей.

Специфика объекта исследования заключается в том, что изучаемая территория была заселена местными крестьянами, а не переселенцами из Европейской России, уже к середине XIX в. В последующем численность жителей увеличилась за счет естественного прироста. В рамках столыпинского переселения подавляющая часть новоселов подсаждалась в старожильческие селения. На территории

района возникло немного переселенческих деревень, в частности Шуринка в 1912 г. Поэтому среди местных обывателей преобладали старожилы. Переселенцы составляли в Мариинском уезде 61 % от числа хозяйств, в Кузнецком – около 33 % [2, с. 265]. К тому же в начале XX в. Кузнецкая котловина становится районом интенсивного индустриального освоения (Кемеровский, Кольчугинский рудники, строительство коксохимического завода «Копикуза»). Кольчугинская железная дорога прошла по территории Касьминской и Морозовской волостей. Поэтому процессы, имевшие место на перечисленных промышленных объектах и в поселениях (образование г. Щегловск в конце июня 1918 г. и соответствующего уезда) оказали существенное воздействие на общественно-политическую ситуацию.

Целью предпринятого анализа является на примере избранного локуса отследить поведение разных групп крестьян (старожилы, новоселы) в условиях социального катаклизма 1917–1922 гг. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие исследовательские задачи: в общих чертах воссоздать общественную активность крестьян в рассматриваемый период и выявить основные формы ее проявления, реконструировать порядок формирования и компетенцию созданных тогда органов местного самоуправления, раскрыть основные очаги партизанско-повстанческого движения, установить причины

распространения влияния анархистских настроений в среде партизан, определить их отношение и селян в целом к приходскому духовенству РПЦ и храмам.

Общественная активность крестьян Промышленновского района в условиях социального катаклизма 1917–1922 гг.

Предвестниками социального катаклизма 1917 г. стали массовые выступления мобилизованных (бунты), которые происходили с 19 июля 1914 г. и до конца месяца. С 20 по 25 июля они имели место в Касьминской и Тарсьминской волостях (Лебедевское, Васьково, Морозово, Ваганово) и сопровождалось разгромом запасными торговых и винных лавок [3, с. 108–110]. Согласно донесению томского губернатора В. Н. Дудинского в Департамент полиции от 2 сентября 1914 г.: «Призыв запасных был затруднен отказами выступать и бесчинствами, производимыми на сборных пунктах и по пути следования (разбивали казенные винные лавки, грабили и поджигали дома и магазины и производили разные бесчинства). Беспорядки происходили почти повсеместно по Томской губернии»¹.

В Кузнецке с численностью населения 3 тыс. человек к 21 июля собралось более 6 тыс. мобилизованных. Вместе с горожанами и крестьянами окрестных поселений они разбили двери казенного винного склада. Началось массовое пьянство. Пришлось срочно направлять сюда роту солдат из Томска. Определенную роль в пресечении беспорядков сыграл проживающий в городе отставной генерал-лейтенант, герой Русско-японской войны 1904–1905 гг. П. Н. Путилов, который «одел генеральскую форму, на брюках лампасы, и верхом на лошади ездил на площадь... усмирять» [4, с. 74].

Истоки некоторых деструктивных проявлений уходят в период Первой мировой войны. В отчете Томского губернского управления за март 1915 г. констатируется: «После запрещения продажи казенного вина и вообще спиртных напитков, в губернии стали замечаться развитие тайного винокурения, производства в широких размерах домашнего пивоварения, а также приготовление и продажа разных суррогатов водочных изделий»². В начале февраля 1916 г. губернатор информировал правоохранительное ведомство: «В некоторых уездах губернии семью запасных нижних чинов, призванных на действительную военную службу, по прежнему отказывались от добровольной уплаты причитающихся с них сборов, заявляя, что таковые будут внесены по окончании войны их мужьями; о примененных же по отношению к ним принудительных способах взыскания недоимок солдатки, обыкновенно, сообщают своим мужьям, находящимся в действующей

армии, а последние отвечают на это угрожающими письмами по адресу должностных лиц крестьянского управления»³.

Судя по хронике общественно-политического движения в Томской губернии 1917–1919 гг. подавляющее большинство информационных объектов находилось в зоне Транссибирской железнодорожной магистрали, Алтайской и Кольчугинской железных дорог. Поэтому можно утверждать, что события рассматриваемого времени носили в данных волостях «сетевой» характер, затронули наиболее крупные населенные пункты на железных дорогах и имевших доступ к телеграфу.

Первая информация о революционных событиях на изучаемой территории представляет краткую заметку в газете «Сибирская жизнь» за 22 марта 1917 г. Датируется 10 марта и имеет четкий адрес – с. Титовское Кузнецкого уезда: «Волостное правление разослало всем сельским старостам волости предложение немедленно созвать полный сельский сход и прочесть на нем воззвание, в котором сообщалось о государственном перевороте и о новом строе, приводилось приглашение нового правительства всем быть на своих местах, быть трезвым, сохранять спокойствие, не посягать на жизнь человека, не разводить смуту, а сплотиться, помогая друг другу, и присоединиться к новому правительству» [5, с. 82]. 14 марта в волостном центре состоялось собрание волостных депутатов в количестве 126 человек, на котором выбрали трех уполномоченных от волости на уездный крестьянский съезд и высказались за скорейший созыв Учредительного собрания [5, с. 96]. На крестьянском съезде Кузнецкого уезда 9–15 апреля (35 представителей от волостей и г. Кузнецк) делегаты объявили себя уездным народным собранием и в телеграмме на имя председателя Государственной думы М. В. Родзянко потребовали установления «республиканского образа правления в России, созыва как можно скорее Учредительного собрания, немедленного суда над деспотом Романовым и его женой, и бывшими министрами»⁴.

По-другому развивалась ситуация в расположенной южнее Касьминской волости. Согласно информации В. М. Кимеева: «После получения телеграфного известия об отречении царя в феврале 1917 г. группа крестьян из числа бывших фронтовиков и безземельных переселенцев собрались на сходку у волостной управы, отстранили от должности сельского старосту, разоружили волостного пристава Кузеванова, а над зданием волостной управы вывесили красный флаг. Через день на общеволостном сходе был создан временный волостной крестьянский комитет, во главе которого встали бывшие фронтовики из числа переселенцев-бедняков. Спустя месяц по телеграфу из Томска поступило распоряжение Временного

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ДП ОО. Оп. 1914. Д. 108. Ч. 77. Л. 11.

² ГАРФ. ДП ОО. Оп. 1915. Д. 108. Ч. 77. Л. 4.

³ ГАРФ. ДП ОО. Оп. 1916. Д. 20. Ч. 81. Л. 1.

⁴ Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.) / сост. Э. И. Черняк. Томск: Томский ун-т, 1992. Ч. 1. С. 18.

правительства образовать Земский комитет. По селам были разсланы представители для проведения собраний и выборов. В состав Касьминского волостного земского комитета вошли в основном зажиточные и наиболее уважаемые в волости крестьяне и коннозаводчики» [6, с. 138–139].

Расхождения в названии органов самоуправления двух соседних волостей обуславливались, на наш взгляд, разными каналами поступления информации о происходивших в Томской губернии трансформациях в системе общественного самоуправления. Как известно, земская реформа начала осуществляться в Сибири с лета 1917 г. Единственная попытка в регионе самостоятельного строительства местных выборных органов власти без оглядки на Временное правительство связана с созданием системы народных собраний в городах, волостях и уездах губернии. Временное правительство признавать самодеятельную структуру отказалось, и после распространения на Сибирь 17 июня 1917 г. «Временного положения о земских учреждениях ...» предписало преобразовать исполкомы губернского и уездных народных собраний в соответствующие земские управы. Поскольку указание не касалось волостных и поселенческих структур, вплоть до начала 1918 г. они сохранили прежнее название.

Поэтому Титовская волость вошла в систему Кузнецкого уездного народного собрания, а Касьминская с более поздними сроками административной трансформации сразу стала называться земской. Благодаря близости (около 20 верст) от столицы Кольчугинской ж. д. – ст. Топки, титовские обыватели подвергались более интенсивному воздействию революционных преобразований. Лишь 16 марта в Брюханово сняли со стены волостного правления портрет свергнутого царя, а 19 марта местный священник призывал крестьян не верить слухам о революции [5, с. 105, 113]. Уже в апреле крестьяне стали захватывать кабинетские земли, а также участки, арендуемые крупными коннозаводчиками (Мусманом, Ф. С. Пьянковым, П. Коневым и др.). Жители Коурака, Колтырака, Лебедево, Пьяново требовали выделить землю под сенокосы.

Судя по материалам хроники, в селениях и волостях Кузнецкого уезда в сентябре состоялись выборы в земство. 1 октября 1917 г. открылась первая сессия Тарьминского волостного земского собрания, обсуждавшая вопрос о размере жалования своим функционерам [7, с. 17, 43, 60]. Открывшаяся 17 ноября сессия уездного земского собрания отказалась признавать власть Советов, осудила «мятеж большевиков» и высказалось за скорейшее открытие Учредительного собрания [2, с. 250]. Земство ставилось под жесткий контроль административных структур белой Сибири. В мае 1919 г. на основе постановления Всероссийского Совета министров утверждается форма присяги членов земских управ: «Обещаю и клянусь перед Богом и своей совестью быть верным и неизменно преданным Российскому Государству как своему отечеству. Обещаю

и клянусь служить ему, не щадя жизни моей, не увлекаясь ни родством, ни дружбой, ни корыстью и памятуя единственно о возрождении и преуспевании Государства Российского. Обещаю и клянусь повиноваться Российскому Правительству, возглавляемому Верховным Правителем впредь до установления образа правления, свободно выраженного волей народа. В заключение данной мной клятвы осеняю себя крестным знаменем и крестом Спасителя. Аминь!»⁵.

Недостатком всех низовых земских учреждений территории и Сибири в целом являлось расхождение между амбициозными проектами и отсутствием у них финансового обеспечения. На уровне сельского общества в 1919 г. действовали сельские сходы, которые экономно осуществляли свои расходы за счет раскладки по хозяйствам с учетом площади посева, поголовья лошадей и скота. Характерно, что и после восстановления советской власти и создания волостных ревкомов местные крестьяне пытались принимать управленческие решения по нормам традиционного сельского самоуправления. Так, 20 февраля 1920 г. соединенное народное собрание (крестьяне и инородцы) соседней с Тарьминской Вассинской волости рассматривало вопрос «об отобрании Вассинским Волостным Ревкомом приходского дома, в котором живет священник, под больницу. По обсуждении этого вопроса и принимая во внимание, что нам священник необходим, так как мы все православные и нет подходящей квартиры для священника, а потому единогласно постановили: мы не желаем, чтобы наш приходский дом, в котором помещается священник, был отобран под больницу. Кроме того означенный дом принадлежит всему приходу Вассинской Николаевской церкви и таковым может распоряжаться только приходское собрание, а поэтому предлагаем церковному старосте немедленно собрать приходское собрание, которое может решить означенный вопрос. Независимо от сего мы вполне согласны содержать как церковь, так и причт своими средствами села Вассинского»⁶.

Деструктивные начала в повседневную жизнь деревни вносили отпущенные на полевые работы солдаты из запасных полков Томска и Новониколаевска. Как отмечает В. А. Дробченко, военнослужащие «проявляли демонстративное неуважение к власти, а власть часто оказывалась не способна заставить себя уважать. Все это разлагающе действовало на крестьянство. Самогоноварение и пьянство захлестнули деревню. Были села, где винокурением занимались в каждом доме» [8, с. 366–367]. В с. Байкаим в июне милиция обнаружила кустарный самогонный завод, уничтожили более 900 ведер самогона. Как оказалось, предприятие принадлежало всему местному обществу и жители поселения угрожали милиционерам [5, с. 329]. 2 июля Касьминские волостные управленческие структуры обратились в Томский губисполком с письмом, в котором подчеркнули, что «в пределах волости с большим размахом

⁵ Государственный архив Новгородской области (ГАНО). Ф. Д-143. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.

⁶ ГАНО. Ф. Д-144. Оп. 1. Д. 54. Л. 52.

развилась выгонка самогонки, среди народа и приходящих по разным случаям в отпуска солдат развилось повальное пьянство» [5, с. 329]. Практически прекратилось внесение налогов. За первую четверть 1917 г. к середине октября по Кузнецкому уезду на погашение недоимок и окладных сборов на сумму 18471 руб. поступило 817 руб. 27 коп., т. е. 4,4 %. В начале 1918 г. старожилы Касьминской волости полностью перестали платить налоги [7, с. 90, 301].

Вторая половина 1917 г. характеризуется избирательной кампанией во Всероссийское Учредительное собрание, которая прошла в Кузнецком уезде 12–14 ноября. За эсеров здесь отдали голоса 90,7 % принявших участие в голосовании (для сравнения – в Мариинском уезде – 88,6 %). Крестьянству импонировала прежде всего эсеровская аграрная программа. Ее главным элементом являлось требование ликвидации частной собственности на землю и запрещение ее купли-продажи. Предусматривалось также, что «земля должна быть без выкупа передана в ведение народа и в пользование тех, кто на ней трудится своим трудом – обществами, кооперативами или единолично на уравнильно-трудовых началах» [9, с. 91]. Не случайно в Морозово, Лебедево, Брюханово до конца 1917 г. были созданы волостные земельные комитеты [8, с. 572].

Радикализации отношений внутри крестьянского мира способствовали фронтовики и консолидация местной бедноты, начавшей объединяться в комбеды. В Касьминской волости до 27 декабря 1917 г. организуется Совет солдатских депутатов, а весной 1918 г. фронтовики в Брюханово создали комитет бедноты [10, с. 201]. На рубеже 1917–1918 гг. образуются Касьминский и Титовский сельские советы, в с. Лебедевское Совет крестьянских депутатов возник при волостной земской управе. До апреля 1918 г. в переселенческом поселке Байрак Морозовской волости (8 км от волостного центра) И. П. Новоселовым и М. Скударновым создается крестьянская коммуна «Анархия», в которую вошло 10 самых бедных семей⁷. Известно, что Иван Панфилович Новоселов к 1914 г. был женат, имел пятерых детей, в армии окончил военно-ветеринарные курсы и сошелся с анархистами. Как установил М. Ю. Живописцев: «После возвращения с фронта его как организатора коммуны "Анархия" выбирают делегатом на уездный съезд Советов. В 1918 г. он объявился в наших местах и работал делопроизводителем в Гурьевском Совете рабочих, крестьянских и солдатских депутатов» [11, с. 224]. Члены коммуны стали ядром партизанского отряда. Анархисты и возглавляемые ими формирования (Г. Ф. Рогов, И. П. Новоселов, П. К. Лубков, И. М. Дрожжин) сыграли существенную роль в партизанско-повстанческом движении в Кузбассе, но до недавнего времени однозначно квалифицировались как представители «анархо-эсеро-кулацкого крыла в сибирском партизанском движении», хотя ничего эсеровского и кулацкого

в их действиях не было. Программа И. П. Новоселова не шла дальше лозунга: «Уничтожайте гадов!», каковыми он считал не только контрреволюционеров, но и всех богатых и интеллигентов [12, с. 139].

Ситуация на изучаемой территории, помимо комплекса факторов, определялась взаимоотношениями старожилов и новоселов. Салаирский край стал своеобразным рубежом противостояния между ними. В Кузнецком уезде и южных волостях Новониколаевского уезда преобладали старожилы. В присалаирских волостях Барнаульского и Бийского уездов – переселенцы. Не случайно эпицентром анархо-партизанского движения под руководством Г. Ф. Рогова стало Причумышье (Жулаиха, Дмитро-Титово, Тогул и др.). Сюда направился и соединился с формированием Г. Ф. Рогова отряд И. П. Новоселова. 12 декабря 1919 г. объединение вступило в освобожденный от белых в результате восстания гарнизона Кузнецк. В течение трех суток производилась «зачистка» города от офицеров, состоятельных горожан, служащих органов власти. «Затем часть отряда с захваченным имуществом направилась на Алтай, а основные силы двинулись к Щегловску», заняв его 16 декабря. Белые выбили их и вновь город освободили части 35-й с. д. 5-й армии 24 декабря. Через два дня партизанские формирования включаются в состав соединения, но «Рогов и Новоселов отказались выполнять приказ, были арестованы и под конвоем направлены сначала в Кузнецк, а затем в Новониколаевск» [13, с. 145–146].

Фактор противостояния старожилов и переселенцев, со ссылкой на свидетельства генерала А. П. Будберга и П. В. Вологодского, на который автор обратил внимание в 1998 г. [14, с. 66–67], в последующем получил дополнительную аргументацию. В частности, в опубликованных недавно записках омского журналиста В. В. Иванова фиксируются впечатления о сельских обывателях севера современного Кузбасса в конце 1919 г.: «Как небо от земли, уже в этих давно заселенных местах, отличались от чалдонских сел новосельческие деревни. Неприспособленность, отсутствие инициативы, экономическая зависимость от старожилов так и сквозила в каждой семье. Все это, конечно, должно было дать значительную пищу Гражданской войне, которая уже надвигалась своими тяжелыми шагами вслед за нами» [15, с. 70].

Обратили внимание на проблему отдельные современные историки. П. А. Новиков замечает: «Переселенцы содействовали большевикам раньше, чем мог проявиться по отношению к крестьянам подчеркивавшийся советскими историками "произвол белых военных властей". Это свидетельствует о том, что мобилизация стала только поводом для выступления против белых части крестьян, изначально разделявших доктрину большевиков или, по меньшей мере, сочувствовавших ей. Также очевидно, что свои надежды с большевиками связывали переселенцы» [16, с. 153].

⁷ Из биографии анархиста И. П. Новоселова, записанные со слов его дочери Елены // Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922. Хрестоматия / сост. Я. Е. Кривоносов. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001. С. 257.

По мнению алтайского исследователя В. Н. Разгона, неприязненные отношения переселенцев и старожилов сохранялись и в советский период: «Принадлежность бывших военных противников к одному локальному сельскому сообществу придавала этой враждебности личностный характер и являлась фактором, способствующим эскалации репрессий за счет "инициативы снизу" ... О глубине этих противоречий, во многом усиливавшихся из-за персонализированной, личностной окраски, свидетельствует то обстоятельство, что некоторые из бывших партизан, выступивших в качестве авторов заявлений в НКВД и свидетелей по рассматриваемому делу, не отказались от своих показаний о враждебности репрессированных к мероприятиям советской власти и их вредительской деятельности в колхозах даже в период реабилитационного расследования, проводившегося в 1961 г.» [17, с. 753].

Самым известным и популярным партизанским командиром на изучаемой территории стал переселенец В. П. Шевелев-Лубков (1892–1938) из д. Шипицына Тарсьминской (Титовской) волости, фронтовик, георгиевский кавалер, подпрапорщик. В декабре 1917 г. он вернулся домой, в феврале 1918 г. участвовал в ликвидации волостной земской управы и создании Титовского волостного Совета крестьянских депутатов. В 1918–1919 гг. командовал организованным им партизанским отрядом, объединенной партизанской армией в Кузнецком, Маринском и Щегловском уездах, а 20 декабря избирался командиром 1-й Томской советской партизанской дивизии. Был награжден орденом Боевого Красного Знамени [18]. В начале 1919 г. отряд В. П. Шевелева-Лубкова действовал на территории района, о чем он сообщал в мемуарах: «Мы двинулись в Бормотово, где уничтожили колчаковского милиционера, бывшего николаевского урядника, издевавшегося над крестьянами, а затем – к с. Морозово. По дороге нам сообщили, что в Морозово устроена белогвардейская засада. Мы повернули в д. Звонково. В ней стояли многочисленные посты из кулаков и милиционеров. Мы ворвались в деревню, обезоружили и переловили милиционеров и уже собрались отдохнуть "от трудов праведных", как увидели приближавшийся небольшой кавалерийский отряд. Мы встретили непрошенных гостей дружным залпом, и они поспешно повернули обратно»⁸.

На территории нынешнего Промышленновского района в 1918–1919 гг. серьезных боестолкновений между белыми и красными не было. Об этом свидетельствуют сохранившиеся захоронения участников борьбы за советскую власть. Их два: братская могила в д. Портнягино, в которой похоронены трое жителей деревни – И. Е. Булычев, А. Е. Ляпустин и Е. Я. Черепанов, партизаны из отряда А. В. Ролико-Виноградова, расстрелянные карателями в сентябре 1919 г. Во второй братской могиле в с. Ваганово

похоронены расстрелянные карателями местные активисты (лето 1918 г.), казненный отступающими колчаковцами председатель местного Совета Г. Е. Герасимов (17 декабря 1919 г.) и убитый местными кулаками в 1920 г. бывший партизанский командир К. Хмелев (Кузнецов) [19, с. 35–36, 111–112]. 20 сентября 1919 г. около д. Окунево был разгромлен партизанский отряд Аксенова [20, с. 324]. Тем не менее уровень взаимного ожесточения зашкаливал. Приведем в пример только два информационных сообщения из томской «Сибирской жизни» за 1919 г. Ночью 27 апреля в д. Васьково Титовской волости «шайка» партизан зарезала членов семьи мобилизованного в белую армию поручика Терещенко: жену, двухлетнего сына и племянницу. 13 сентября напавшие на с. Морозово партизаны численностью 23 человека убили священника А. В. Воробьева⁹.

Под воздействием восставших 25 марта 1919 г. кольчугинских шахтеров в ряде поселений вокруг с. Шабаново (10 км от границы Промышленновского района) была временно восстановлена советская власть. О том, что происходило позднее, В. А. Ильиных и Г. А. Ноздрин замечают, что об этом «можно судить по ситуации в одной из соседних деревень – Камышине (12 км от Шабаново), которая пять раз переходила из рук в руки. Причем и белые каратели, и красные партизаны считали соответственно старостой и председателем сельсовета одного и того же крестьянина, одинаково требуя у него фураж для лошадей. Накануне прихода Красной Армии местный партизанский отряд из 600 бойцов под командованием И. Е. Сизикова выбил белых из Брюханова, а 15 декабря 1919 г. занял Кольчугино» [10, с. 151]. Через четыре дня отряд двинулся через Камышино, Мусохраново, Ваганово, Лебедево и 23 декабря соединился с частями РККА. «На своем пути, начиная от Бочат, – уточняет В. М. Кимеев, – партизаны повсюду чинили кровавую расправу над зажиточными дружинниками и их семьями, сжигали церкви, убивая священников... До прихода регулярных частей Красной Армии брюхановские красные партизаны Дмитрий Иванович Скороделов и Дмитрий Бобровский зарубили шашками священника Павла Кобылецкого, разграбили и сожгли Троицкую церковь, несколько домов зажиточных крестьян» [6, с. 145].

Отношение к духовенству и храмам РПЦ местного населения и партизан в изучаемый период на рассматриваемой территории и в Сибири в целом требует специального изучения. Повлияли на ситуацию общественно-политические процессы, специфика взаимоотношений верующих и священников, религиозный абсентеизм старожилов, оказавший влияние и на часть переселенцев. А. М. Адаменко констатирует: «Исследователи отмечают, что в Сибири у прихожан и причта складывались довольно странные отношения: с одной стороны, слабое соблюдение

⁸ Шевелев-Лубков В. П. Борьба сибирских партизан против белогвардейцев и интервентов в 1918–1919 годах // Записки сибирских партизан. Новосибирск: Новосибирск. кн. изд-во, 1961. С. 35.

⁹ Сибирская жизнь. 18.05.1919; Сибирская жизнь. 20.09. 1919.

религиозных обрядов со стороны прихожан и смешение православия с язычеством, с другой – низкий моральный уровень духовенства» [21, с. 71]. В 1917 г. началась дискуссия о преподавании Закона Божия в школе. В частности, состоявшийся в начале октября 1918 г. в Новониколаевске 2-й Западно-Сибирский краевой учительский съезд высказался за «оставление Закона Божия в числе обязательных предметов и сохранение за законоучителями всех прав, которыми пользовались учителя других общеобразовательных предметов» [20, с. 138–139].

«Неоднозначно, порой трагически складывались и взаимоотношения партизан Западной Сибири (*от себя добавим – и Восточной тоже – М. Ш.*) со священнослужителями. Этому было немало причин. Духовно-нравственная деформация охватила и институт церкви, что нашло выражение в распространении в уездах Западной Сибири сектанства и атеизма», – отмечает И. В. Курышев [22, с. 224]. Примеры участия отдельных представителей духовенства в повстанческо-партизанском движении в Восточной Сибири приводит Т. М. Новикова, так же как и факты расправы с ними со стороны народных мстителей [23].

На изучаемой территории имели место проявления двойного рода. Выше упоминалось о бесчинствах партизан и сожжении ими Троицкой церкви в с. Брюханово в декабре 1919 г., об убийстве несколько ранее, 13 сентября, священника А. В. Воробьева (в с. Морозово Щегловской волости). С другой стороны, выше упоминалось о решении схода в с. Васино сохранить церковь и священника при ней.

При этом поведение подобного рода объяснялось атеистическими настроениями, негативным отношением старообрядцев к РПЦ. Сошлемся на повесть В. Я. Шишкова «Ватага» (1923), в которой главным мотивом негативного отношения партизан отряда Рогова к духовенству и разгром ими храмов в г. Кузнецк в самом конце 1919 г. объяснялась принадлежность их к раскольникам. Один из старообрядческих проповедников Шалаев заявлял в 1919 г.: «Священство и полиция так взаимно смешались... Вполне понятна и проявляемая ныне ужасающая ненависть народа, по крайней мере, в лице большевиков, к духовенству, к храмам, к святыням: ведь все это отождествляется со старым ненавистным режимом, со всеми

его насилиями, неправдами, гнусностями» [22, с. 227]. И еще один момент, на который указывает в своих воспоминаниях партизан из отряда Г. Ф. Рогова Н. И. Баталов: «Очень много принесли нам вреда церковные колокольни, а также и церкви. Каменные церкви колчаковцы превращали в крепости, а церковные колокольни в пулеметные гнезда и наблюдательные пункты. Много погибло партизан от пулеметного огня с колоколен. Чтобы колчаковцы не могли больше использовать колокольню как пулеметное гнездо, решили ее спилить. Жители не возражали и помогли это сделать. Подпилили столбы, привязали к верхушке веревки, привели лошадей в хомутах, привязали веревки, потянули и колокольня упала»¹⁰.

Разгром белых в конце 1919 г. не стабилизировал положение в Кузнецком уезде. Анархистские отряды И. П. Новоселова, Г. Ф. Рогова, Аньки Белокобыльской, И. Е. Толмачева в 1920 г. вступили в открытую борьбу с советской властью: громили кооперативы и маслозаводы, разгоняли ревкомы и партийные ячейки, отбирали лучших лошадей. В 1921 г. восстали крестьяне с. Брюхановское и окрестных деревень. Причиной стали злоупотребления новой власти при проведении продразверстки. Лишь к концу 1922 г. были ликвидированы очаги противостояния. «Новоселов в конце 1922 года неожиданно исчез. Предполагалось, что он погиб. По другим данным, в 1923 году он убежал в Китай» [11, с. 228].

Заключение

Подводя итоги участия крестьян будущего Промышленновского района в социальном катаклизме 1917–1922 гг., следует заметить, что ситуация полностью соответствует логике крестьянского движения в России, «которое, с одной стороны, было разгромлено всей мощью военно-репрессивной машины советского государства, а с другой стороны, победило его, добившись от большевиков главного – отмены продразверстки и закрепления перешедшей к крестьянам в 1917 г. земли в Земельном кодексе 1922 года. То есть была реализована главная цель крестьянского противостояния с властью – сохранение полученной в результате революции 1917 г. земли и права свободного хозяйствования на ней, хотя и на незначительный срок» [24, с. 17].

Литература

1. Шиловский М. В. Некоторые фрагменты истории Промышленновского района до 1917 года // Кемеровской области 60 лет: мат-лы Всерос. науч. конф., посв. 60-летию Кемеровской области. (Кемерово, 15 мая 2003 г.) Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. С. 17–22.
2. История Кузбасса. Ч. 1-2 / ред. А. П. Окладников. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1967. 380 с.
3. Горюшкин Л. М., Ноздрин Г. А., Сагайдачный А. Н. Крестьянское движение в Сибири. 1914–1917 гг. Хроника и историография. Новосибирск: Наука, 1987. 241 с.
4. Кауфман А. О. Генерал П. Н. Путилов и Кузнецк // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Кемерово: Кузбасс, 2004. Вып. 6. С. 70–78.

¹⁰ Из воспоминаний партизана Н. И. Баталова о партизанском движении в Причумышье, возглавлявшемся Г. Ф. Роговым // Революционные события и гражданская война в Алтайской губернии. 1917–1922. Хрестоматия / сост. Я. Е. Кривоносов. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2001. С. 261–262.

5. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 2: март 1917 – май 1918 г. Ч. 1: март-август 1917 / сост. Э. И. Черняк, В. А. Дробченко. Томск: Изда-во Том. ун-та, 2013. 416 с.
6. Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 250 с.
7. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1888–1919 гг. Т. 2: март 1917 – май 1918 г. Ч. 2: сентябрь 1917 – май 1918 г. / сост. Э. И. Черняк, В. А. Дробченко. Томск: Изда-во Том. ун-та, 2013. 386 с.
8. Дробченко В. А. Кузбасс в вихре революций: общественно-политическая жизнь края в марте 1917 – мае 1918 г. Томск: Изда-во Том. ун-та, 2008. 662 с.
9. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
10. Ильиных В. А., Ноздрин Г. А. Очерки истории сибирской деревни. Новосибирск: ЭКОР, 1995. 280 с.
11. Живописцев М. Ю. Белово – край родной. Белово: Канцлер, 2011. 387 с.
12. Шуклецов В. Т. Сибиряки в борьбе за власть Советов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изда-во, 1981. 270 с.
13. Ларьков Н. С., Рудин В. Г. Гражданская война в Кузбассе (1918–1922) // Историческая энциклопедия Кузбасса. Т. 1. А–К / ред. В. В. Бобров. Кемерово-Познань: Штама, 1996. С. 138–151.
14. Шиловский М. В. Специфика политического участия сибирского крестьянства в социальных катаклизмах начала XX в. // Социокультурное развитие Сибири (XVII–XX вв.): Бахрушинские чтения 1996 г. Новосибирск: НГУ, 1998. С. 64–74.
15. Иванов В. В. В Гражданской войне: (из записок омского журналиста). М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2017. 204 с.
16. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.
17. Разгон В. Н. Политическое противостояние и военные конфликты периода Гражданской войны и военного коммунизма как источник репрессий периода Большого террора: региональный аспект (на материалах следственных дел УНКВД по Алтайскому краю) // Уроки Октября и практики советской системы 1920–1950-е годы: мат-лы X Междунар. науч. конф. М.: Политическая энциклопедия, 2018. С. 747–755.
18. Шиловский М. В. Повседневность партизанского движения в Сибири в 1918–1919 гг. (по воспоминаниям В. П. Шевелева-Лубкова) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 3. С. 145–150.
19. Горелов Ю. П., Барабанов Ю. В., Кимеев В. М. Памятники революции и гражданской войны в Кузбассе. Кемерово: Кемеровское кн. изда-во, 1991. Вып. 2. 158 с.
20. Общественно-политическая жизнь Томской губернии в 1880–1919 гг. Т. 3: июнь 1918 – декабрь 1919 г. / сост. Н. С. Ларьков, В. А. Дробченко. Томск: Изда-во Том. ун-та, 2013, 376 с.
21. Адаменко А. М. Развитие приходской системы на юге Западной Сибири в XIX – начале XX в. // Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX–XX вв.). Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 39–75.
22. Курышев И. В. Социально-психологический облик участников антиколкачковского партизанского движения в Сибири (по материалам периодической печати и воспоминаний) // Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны / под ред. И. В. Курышева. Ишим: Изда-во ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2018. С. 213–233.
23. Новикова Т. М. Православное духовенство и партизаны в 1918–1920 гг. (на примере Енисейской губернии // Сибирь в период Гражданской войны: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Кемерово, 6–7 февраля 2007 г.) Кемерово: КРИРПО, 2007. С. 149–151.
24. Кондрашин В. В. Дискуссионные проблемы крестьянского движения в России в годы Гражданской войны // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 – декабрь 1922 г.): мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. (Новосибирск, 18–20 ноября 2019 г.) Новосибирск: Изда-во СО РАН, 2019. С. 16–23. DOI: 10.31518/978-5-7692-1664-0-16-23

Promyshlennovskiy District during the Period of Social Cataclysm of 1917–1919

Mikhail V. Shilovskiy^{a, b, @}

^a Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Science, Russia, Novosibirsk

^b Novosibirsk State University, Russia, Novosibirsk

@ istorik.novosib@gmail.com

Received 18.02.2020. Accepted 26.03.2020.

Abstract: The article deals with the social and political situation in the Kasminsk, Tarsminsk, Titovsk, and Morozovsk volosts (districts) of the Kuznetsk uyezd (area), Tomsk Province, in 1917–1919. The territories in question were inhabited by long-time Russian residents. The Revolution affected the largest settlements. Titovsk area was included in the system of Kuznetsk area people's assembly, while Kasminsk district was under the supervision of the so-called zemstvo from the very beginning. Soldiers from reserve regiments of Tomsk and Novonikolaevsk were sent to field work and had a destructive impact on the local life. Anarchists (G. F. Rogov, I. P. Novoselov, P. K. Lubkov, I. M. Drozhzhin, etc.) and their military units played a significant role in the partisan and rebel movement. V. P. Shevelyov-Lubkov (1892–1939) became the most famous Red leader in the territory. He was an old settler from the village of Shipitsina in the Titovsk district and a decorated army veteran. The Whites were defeated in the late 1919, which brought no relief as anarchist squads maintained their attacks on the Soviet troops. In 1921, peasants in the village of Bryukhanovo rebelled. The last pockets of resistance were eliminated as late as in 1922.

Keywords: Russian Revolution, Civil war of 1918–1920 in Russia, resettlers, old-settlers, anarchists, partisans, volost, zemstvo, bootlegging, veterans

For citation: Shilovskiy M. V. Promyshlennovskiy District during the Period of Social Cataclysm of 1917–1919. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 370–378. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-370-378>

References

1. Shilovskiy M. V. Some fragments of history of Promyshlennovskiy district before 1817. *60th Anniversary of the Kemerovo Oblast: Proc. All-Russian Sci. Conf., dedicated to the 60th anniversary of the Kemerovo region, Kemerovo, May 15, 2003*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003, 17–22. (In Russ.)
2. *History of Kuzbass, pt. 1-2*, ed. Okladnikov A. P. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo, 1967, 380. (In Russ.)
3. Goryushkin L. M., Nozdrin G. A., Sagaydachnyy A. N. *Peasant movement in Siberia. 1914–1917. Chronicle and historiography*. Novosibirsk: Nauka, 1987, 241. (In Russ.)
4. Kaufman A. O. General P. N. *Putilov and Kuznetsk. Inquiries: historical and local lore miscellany*. Kemerovo: Kuzbass, 2004, iss. 6, 70–78. (In Russ.)
5. *Social and political life of the Tomsk province in 1880–1919. Vol. 2: March 1917 – May 1918. Pt. 1: March-August 1917*, comps. Chernyak E. I., Drobchenko V. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013, 416. (In Russ.)
6. Kimeev V. M. *Siberian natives from Kasminsk. Daily life and culture of Russian old-settlers of Kasminsky volost*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 250. (In Russ.)
7. *Social and political life of the Tomsk province in 1880–1919. Vol. 2: March 1917 – May 1918. Pt. 2: September 1917 – May 1918*, comps. Chernyak E. I., Drobchenko V. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013, 386. (In Russ.)
8. Drobchenko V. A. *Kuzbass in the turmoil of revolutions: social and political life in the region in March, 1917 – May, 1918*. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2008, 662. (In Russ.)
9. Shilovskiy M. V. *Political processes in Siberia during the period of social cataclysms, 1917–1920*. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 2003, 428. (In Russ.)
10. Il'inykh V. A., Nozdrin G. A. *Essays on the history of Siberian village*. Novosibirsk: EKOR, 1995, 280. (In Russ.)
11. Zhivopistsev M. Yu. *Belovo – native land*. Belovo: Kantsler, 2011, 387. (In Russ.)
12. Shukletsov V. T. *Siberians in the struggle for the Soviet power*. Novosibirsk: Zap.-Sib. kn. izd-vo, 1981, 270. (In Russ.)
13. Larkov N. S., Rudin V. G. Civil War in Kuzbass (1918–1922). *Historical Encyclopedia of Kuzbass. Vol. 1. A–K*, ed. Bobrov V. V. Kemerovo-Poznan: Shtama, 1996, 138–151. (In Russ.)
14. Shilovskiy M. V. Specific features of Siberian peasantry's political participation in social cataclysms of the early XX century. *Social development of Siberia (XVII–XX centuries): Bakhrushinsky readings of 1996*. Novosibirsk: NGU, 1998, 64–74. (In Russ.)

15. Ivanov V. V. *In the Civil War: (from the notes of Omsk journalist)*. Moscow: Gos. publ. ist. b-ka Rossii, 2017, 2004. (In Russ.)
16. Novikov P. A. *Civil War in Eastern Siberia*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005, 415. (In Russ.)
17. Razgon V. N. Political struggle and military conflicts during the period of Civil War and Military Communism as a source of repression of the Big Terror period: regional aspect (based on the files of the Altay Region UNKVD). *Lessons of October and practices of the Soviet system, 1920–1950s*: Proc. X Intern. Sci. Conf. Moscow: Politicheskaja entsiklopediia, 2018, 747–755. (In Russ.)
18. Shilovskiy M. V. The everyday life of partisan movement in Siberia in 1918–1919 (based on the memoirs of V. P. Shevelev-Lubkov). *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2016, (3): 145–150. (In Russ.)
19. Gorelov Yu. P., Barabanov Yu. V., Kimeev V. M. *Monuments to Revolution and Civil War in Kuzbass*. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo, 1991, iss. 2, 158. (In Russ.)
20. *Social and political life of the Tomsk province in 1880–1919. Vol. 3: June 1918 – December 1919*, comps. Larkov N. S., Drobchenko V. A. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2013, 376. (In Russ.)
21. Adamenko A. M. Development of the parish System in the South-Western Siberia in the XIX – early XX century. *Russian Orthodox Church in the South-Western Siberia (XIX–XX century)*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 39–75. (In Russ.)
22. Kuryshev I. V. Social and psychological image of participants of anti-Kolchak partisan movement in Siberia (on the materials of periodical press and memoirs). *Peasant protest in Siberia in the years of revolution and Civil War*, ed. Kuryshev I. V. Ishim: Izd-vo IPI im. P. P. Ershova (filial) TiumGU, 2018, 213–233. (In Russ.)
23. Novikova T. M. Orthodox Clergy and Partisans in 1918–1920 (as in the case of Yeniseysk province). *Siberia during the period of Civil War*: Proc. Intern. Sci.-Prac. conf., Kemerovo, February 6–7, 2007. Kemerovo: KRIRPO, 2007, 149–151. (In Russ.)
24. Kondrashin V. V. Controversial issues of peasant movement in Russia during the Civil War. *Civil war in the East of Russia (November, 1917 – December, 1922)*: Proc. All-Russian Sci. Conf. with Intern. participation, Novosibirsk, November 18–20, 2019. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2019, 16–23. (In Russ.) DOI: 10.31518/978-5-7692-1664-0-16-23